Дата поступления рукописи в редакцию: 03.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-1-319-324

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения
проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

К СИСТЕМНОМУ АНАЛИЗУ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. *В статье осуществляется развернутый системный анализ факторов, детерминирующих организованную преступность как сложное социально-правовое явление. Рассматриваются экономические, социальные, политические, правовые, культурные и технологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование, воспроизводство и трансформацию организованных преступных структур. Особое внимание уделяется российской специфике факторов формирования организованной преступности, обусловленной трансформационными процессами постсоветского периода, особенностями социально-экономического развития, институциональными деформациями и состоянием уголовно-правового регулирования. На основе сопоставления российского и зарубежного опыта обосновывается вывод о системном характере организованной преступности и необходимости комплексного междисциплинарного подхода к ее предупреждению.*

Ключевые слова: *организованная преступность, факторы формирования преступности, Россия, социально-экономические трансформации, коррупция, криминальные сообщества, уголовно-правовое противодействие.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study
of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences
in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON A SYSTEMIC ANALYSIS OF THE FACTORS SHAPING ORGANIZED CRIME IN CONTEMPORARY RUSSIA AND ABROAD

Annotation. *The article provides an extended systemic analysis of the factors determining organized crime as a complex socio-legal phenomenon. Economic, social, political, legal, cultural, and technological determinants influencing the formation, reproduction, and transformation of organized criminal structures are examined. Particular attention is paid to the Russian specificity of organized crime determinants shaped by post-Soviet transformation processes, socio-economic development features, institutional deformations, and the state of criminal law regulation. Based on a comparison of Russian and foreign experience, the author substantiates the conclusion about the systemic nature of organized crime and the need for a comprehensive interdisciplinary approach to its prevention.*

Key words: *organized crime, factors shaping crime, Russia, socio-economic transformations, corruption, criminal communities, criminal-law counteraction.*

Организованная преступность на протяжении последних десятилетий остается одной из наиболее устойчивых и опасных форм криминальной активности, оказывающих деструктивное воздействие на экономику, государственное управление, общественную безопасность и правопорядок. В условиях глобализации, цифровизации и усложнения социальных

процессов организованные преступные структуры демонстрируют высокую адаптивность, способность к институционализации и интеграции в легальные сферы общественной жизни. Для Российской Федерации проблема организованной преступности имеет особое значение, поскольку ее активное формирование пришлось на период радикальных социально-экономических и политических преобразований конца XX - начала XXI века.

Научный анализ организованной преступности невозможен без выявления и осмысления факторов, ее детерминирующих. Детерминация преступности представляет собой сложную систему взаимосвязанных причин и условий, формирующих криминогенную среду и способствующих воспроизводству преступного поведения. В криминологии традиционно выделяются социально-экономические, политико-правовые, культурные и личностные детерминанты, однако применительно к организованной преступности данная система приобретает особую сложность и многоуровневость.

Целью настоящей статьи является комплексное исследование факторов формирования организованной преступности с акцентом на российскую специфику, а также выявление общих закономерностей, характерных для различных государств и регионов мира. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой подходы, а также труды отечественных и зарубежных криминологов.

Организованная преступность, будучи глобальным вызовом современности, формируется под влиянием сложного переплетения социально-экономических, политических, правовых и культурных факторов. Ее устойчивость к правоохранительному воздействию и способность адаптироваться к изменениям делают изучение детерминант ключевым направлением криминологических исследований. В рамках данной статьи анализируются основные причины, обуславливающие возникновение, институционализацию и распространение организованных преступных структур.

Экономическая нестабильность выступает ключевым катализатором криминализации общественных отношений. Данный феномен проявляется через ряд индикаторов: высокий уровень безработицы, существенное имущественное неравенство и ограниченный доступ к социально-экономическим ресурсам для определенных групп населения. В российском контексте экономическая детерминация организованной преступности тесно связана с последствиями приватизационных процессов 1990-х годов, разрушением прежних хозяйственных связей и формированием теневого сектора экономики.

Маргинализация населения является следствием социально-экономической поляризации общества. Как отмечает Д. Гарланд, маргинализированные группы, лишенные доступа к легальным источникам дохода, становятся наиболее уязвимыми для вербовки в преступные организации, предлагающие альтернативные, хотя и нелегальные, формы экономической интеграции [1]. В России данный процесс проявился в формировании устойчивых криминальных группировок, контролировавших рынки, транспорт, торговлю и финансовые потоки, особенно в крупных промышленных и портовых регионах.

Особое значение для России имела криминализация предпринимательской деятельности в условиях слабости правовых институтов. Организованные преступные группы выступали в роли «теневых регуляторов», обеспечивая защиту бизнеса, разрешение конфликтов и исполнение обязательств вне правового поля. Это способствовало легитимации криминальных структур в общественном сознании и их укоренению в экономической системе страны.

Глобализационные процессы существенно трансформируют механизмы функционирования преступных структур. Как подчеркивает Л. Шелли, цифровизация финансовых систем и либерализация международных транзакций создают благоприятные условия для транснационализации преступной деятельности [2]. Российские организованные преступные сообщества активно включились в международные криминальные сети, специализируясь на незаконном обороте наркотиков, оружия, финансовых махинациях и киберпреступности.

Политическая нестабильность и институциональная слабость государства выступают значимыми детерминантами организованной преступности. В переходные периоды снижается эффективность государственного контроля, что создает «окна возможностей» для криминальных акторов. В России данная тенденция проявлялась в условиях дефицита доверия к органам власти и правоохранительной системе, а также в распространенности коррупционных практик.

По данным Transparency International, в государствах с высоким уровнем коррупции преступные группировки активно участвуют в перераспределении бюджетных средств и контроле над государственными контрактами [3]. Российская практика подтверждает, что коррупция выступает связующим звеном между организованной преступностью и представителями власти, обеспечи-

вая последним защиту и доступ к ресурсам. А. И. Долгова справедливо указывает на феномен «криминального патернализма», при котором преступные структуры берут на себя функции государства, компенсируя его институциональную несостоятельность [4].

Экономическая нестабильность создает прямую связь между легальной и нелегальной экономикой. В ряде российских регионов с депрессивной экономикой организованная преступность становится альтернативным источником занятости, особенно для молодежи. Это усиливает воспроизводство криминальных субкультур и снижает эффективность профилактических мер.

Правовые пробелы и недостатки правоприменительной практики также вносят существенный вклад в рост организованной преступности. Несмотря на наличие в УК РФ специальных норм, направленных на противодействие преступным сообществам (ст. 210 УК РФ), сохраняются сложности доказывания организованного характера преступной деятельности, иерархичности и устойчивости групп [5]. Дополнительной проблемой является недостаточная защищенность свидетелей и потерпевших, что снижает уровень сотрудничества с правоохранительными органами [6].

Культурно-исторические особенности и криминальная субкультура играют важную роль в воспроизводстве организованной преступности. В России сформировалась специфическая система криминальных ценностей, во многом связанная с пенитенциарной средой и институтом «воров в законе». Данная субкультура оказывает влияние не только на преступный мир, но и на молодежную среду, формируя искаженную модель социального успеха.

Технологический прогресс стал одним из ключевых факторов эволюции организованной преступности. Российские преступные группы активно осваивают киберпространство, используя его для мошенничества, легализации доходов и координации деятельности. По данным Europol, значительная часть организованных групп использует анонимные цифровые платформы и Darknet [8], что характерно и для российских реалий.

Экологические и ресурсные факторы также приобретают все большее значение. Незаконная добыча лесных ресурсов, полезных ископаемых и оборот биоресурсов являются устойчивыми направлениями деятельности организованных преступных групп в России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Данные виды преступности наносят ущерб не только экономике, но и национальной безопасности.

Развивая проведённый анализ, представляется необходимым более подробно остановиться на социально-экономических предпосылках организованной преступности в Российской Федерации, поскольку именно они во многом определили специфику её становления и институционализации в постсоветский период. Российская специфика формирования организованной преступности во многом определяется масштабными социально-экономическими трансформациями, произошедшими в конце XX века. Резкий демонтаж плановой экономики, приватизация государственной собственности и ослабление регулирующей роли государства сформировали условия, при которых криминальные структуры получили возможность не только выживания, но и активного институционального развития. В отличие от многих зарубежных стран, где организованная преступность формировалась эволюционно, в России данный процесс носил ускоренный и во многом хаотичный характер.

Результатом приватизационных процессов стало перераспределение значительных материальных ресурсов в условиях правового вакуума. Отсутствие эффективных механизмов защиты собственности и контрактных обязательств способствовало криминализации экономических отношений. Организованные преступные группы выполняли функции силового обеспечения сделок, взыскания долгов и защиты бизнеса, фактически подменяя собой государственные институты. Это обусловило высокий уровень вовлечённости экономических акторов в преступные связи и сформировало устойчивый спрос на криминальные услуги.

Существенным фактором выступает региональная социально-экономическая дифференциация. В депрессивных регионах Российской Федерации с ограниченными возможностями легальной занятости организованная преступность нередко становится альтернативным механизмом социальной мобильности. Особенно уязвимой группой является молодежь, для которой участие в преступных сообществах воспринимается как способ получения дохода, статуса и защиты.

Продолжая логику исследования, обратимся к институциональным и политико-правовым факторам, которые в значительной мере определяют особенности функционирования организованной преступности в современной России. Институциональные деформации государства играют ключевую роль в воспроизводстве организованной преступности. Недостаточная эффективность правоохранительных органов, перегруженность судебной системы и низкий уровень доверия населения к государственным

институтам способствуют формированию криминогенной среды. Коррупция, выступая системным явлением, обеспечивает устойчивые каналы взаимодействия между представителями власти и преступными структурами.

Для российской практики характерно использование организованной преступности в качестве инструмента неформального управления экономическими и социальными процессами. Коррупционные связи позволяют преступным сообществам минимизировать уголовно-правовые риски, легализовывать доходы и сохранять контроль над ключевыми секторами экономики. В данном контексте организованная преступность выступает не только как криминальное, но и как политико-экономическое явление.

Особое значение имеет проблема доказывания организованного характера преступной деятельности. Несмотря на формальное наличие уголовно-правовых норм, правоприменительная практика сталкивается с трудностями установления иерархии, устойчивости и распределения ролей в преступных сообществах, что снижает эффективность противодействия.

В контексте проведённого анализа особое значение приобретает культурно-субкультурное измерение феномена организованной преступности, поскольку именно здесь формируются устойчивые ценностные ориентации и нормы, воспроизводящие криминальное поведение. Культурная специфика российской организованной преступности во многом связана с развитием криминальной субкультуры, укоренённой в пенитенциарной системе. Институт «воров в законе» выполняет функции неформального регулирования преступного мира, обеспечивая преемственность криминальных норм и ценностей. Данная субкультура формирует альтернативную систему социальных координат, в которой противоправное поведение приобретает нормативный характер.

Распространение криминальной идеологии за пределы преступной среды представляет серьёзную угрозу, поскольку способствует легитимации насилия, отрицанию правовых ценностей и снижению уважения к государственным институтам. Средства массовой информации, элементы популярной культуры и цифровая среда нередко воспроизводят романтизированный образ преступника, усиливая криминогенный потенциал общества.

Не менее важным представляется обращение к пенитенциарному фактору, который в российской криминологической традиции рассматривается как значимый элемент воспроизводства организованной преступности, поскольку места лишения свободы нередко используются как площадка для поддержания криминальных связей, разрешения конфликтов и координации противоправной деятельности. Несмотря на принимаемые меры, влияние криминальных лидеров на осужденных сохраняется, что осложняет процесс ресоциализации.

Отсутствие эффективных механизмов постпенитенциарной адаптации способствует возврату освобожденных лиц в криминальную среду. При этом в российской практике предпринимаются шаги по развитию института пробации и созданию системы сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, однако данный процесс находится на начальном этапе и пока не обладает достаточной ресурсной и нормативной обеспеченностью. Социальная стигматизация, ограниченный доступ к трудоустройству и жилью по прежнему формируют замкнутый круг преступного воспроизводства, что особенно характерно для организованных форм преступности.

Наряду с указанными детерминантами существенную роль играют региональные и ресурсные особенности Российской Федерации, в силу которых региональная специфика организованной преступности обусловлена пространственной протяжённостью страны и неравномерностью распределения ресурсов. В Сибири и на Дальнем Востоке значительное распространение получили преступления, связанные с незаконной добычей леса, полезных ископаемых и биоресурсов. В приграничных регионах активны транснациональные преступные сети, использующие географическое положение для контрабанды и нелегальной миграции.

Анализ современной динамики позволяет констатировать, что в 2000–2020-е годы организованная преступность в России претерпела значительные качественные изменения, что выразилось в её трансформации в сторону большей латентности и экономической рациональности. Если в 1990-е годы доминировали силовые и клановo-территориальные группировки, контролирующие уличный бизнес, рынки и криминальную ренту, то начиная с 2000-х годов наблюдается переход к более латентным, экономически ориентированным и сетевым формам преступной активности. Данный процесс связан с укреплением государственного контроля, институциональной консолидацией власти и изменением социально-экономических условий.

Во-первых, происходит частичная «легализация» организованной преступности. Её представители активно интегрируются в легальный бизнес, инвестиционные и финансовые структуры, используя корпоративные механизмы в

качестве инструмента маскировки преступной деятельности. Таким образом, криминальная активность смещается в сферу экономических и коррупционных преступлений, отодвигая на второй план открытое насилие и прямое вымогательство.

Во-вторых, усиливается технологизация организованной преступности. Значительную роль начинают играть финансовые махинации, схемы легализации доходов, дистанционные мошеннические операции, киберпреступность. Сетевой характер взаимодействия позволяет преступным структурам повышать мобильность, снижать уязвимость к правоохранительному воздействию и формировать трансрегиональные связи.

В-третьих, наблюдается гибридизация организованной преступности и коррупционных практик. В ряде случаев преступные сообщества утрачивают автономный характер и превращаются в элемент теневой управленческой инфраструктуры, обеспечивающей неформальное распределение ресурсов, контроль над контрактами и административными решениями. Такая трансформация повышает устойчивость криминальных структур и усложняет их выявление.

В-четвёртых, сохраняется значительный региональный разброс форм проявления организованной преступности. В крупных мегаполисах доминируют экономические и финансовые преступления, тогда как в ресурсных и приграничных регионах сохраняются нелегальная добыча, контрабанда, транспортные и миграционные криминальные каналы. Это требует дифференцированного подхода к профилактике и правоприменению.

Таким образом, организованная преступность 2000–2020-х годов отличается более высоким уровнем латентности, экономической рациональности и технологической оснащенности, что требует модернизации криминологической оценки и средств противодействия.

Завершая анализ, обратимся к теоретико-методологическим аспектам исследования причин и условий организованной преступности, разграничение которых имеет принципиальное значение для разработки научно обоснованных мер предупреждения. Анализ формирования организованной преступности предполагает разграничение категорий «причины» и «условия», что имеет принципиальное значение для разработки эффективных мер профилактики. Причины организованной преступности представляют собой системные социальные противоречия, порождающие объективную потребность в возникновении криминальных структур. К их числу относятся социально-экономическое неравенство, институциональная слабость государства, деформация ценностных ориентиров и снижение уровня правовой культуры.

Условия организованной преступности формируют среду, способствующую реализации причин и воспроизводству преступного поведения. К ним относятся правовые пробелы, недостатки правоприменения, коррупция, криминальная субкультура, технологические возможности сокрытия следов преступлений. Условия не вызывают преступность непосредственно, но существенно повышают вероятность её проявления и устойчивости.

Для российской криминологической практики особое значение имеет учёт взаимодействия причин и условий. Социальная поляризация, ограниченные социальные лифты и локальные кризисные зоны создают основу для криминогенной мотивации, тогда как коррупционные связи, слабость контроля и криминальные традиции обеспечивают возможности для институционализации организованных структур. В результате формируется устойчивая криминогенная система, воспроизводящая преступность на длительном историческом отрезке.

С теоретической точки зрения организованная преступность может рассматриваться как результат совмещения макросоциальных причин и мезоуровневых условий, действующих в экономической, политической, культурной и пенитенциарной сферах. Это требует междисциплинарного подхода, включающего взаимодействие криминологии, социологии, экономики, права и политологии.

Таким образом, организованная преступность в Российской Федерации представляет собой результат комплексного воздействия социально-экономических, институциональных, культурных и региональных факторов. Её устойчивость обусловлена системными деформациями общественных отношений и недостаточной эффективностью механизмов социального и правового контроля. Усиление противодействия организованной преступности требует не только совершенствования уголовного законодательства, но и комплексной государственной политики, направленной на снижение социального неравенства, укрепление доверия к институтам власти и формирование устойчивых правовых ценностей в обществе.

Список литературы:

[1] Долгова А. И. Организованная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы : монография. - М. : Юрлитинформ, 2019. - 456 с.

[2] Гилинский Я. И. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений : учеб. пособие. - СПб. : Юридический центр Пресс, 2010. - 607 с.

[3] Иншаков С. М. Криминологическая безопасность современного российского общества : монография. - М. : Норма, 2015. - 384 с.

[4] Лунеев В. В. Преступность XX века : тенденции и закономерности : монография. - М. : Норма, 2005. - 848 с.

[5] Хакимов Н. Н. Организованная преступность в современной России : тенденции и противодействие : монография. - М. : Юрлитинформ, 2021. - 312 с.

[6] Гуров А. И. Профессиональная преступность : прошлое и современность : монография. - М. : Инфра-М, 2018. - 368 с.

[7] Чучаев А. И. Криминология : курс лекций : учеб. пособие. - М. : Юрайт, 2020. - 352 с.

[8] Nikitina A. A., Kornev A. V. Organized Crime in Contemporary Russia: Institutional and Economic Dimensions // Journal of Criminology and Justice Studies. - 2020. - Vol. 8, № 2. - Pp. 45–63.

[9] Shelley L. Dirty Entanglements: Corruption, Crime, and Terrorism. - Cambridge : Cambridge University Press, 2014. - 320 p.

[10] Varese F. Mafias on the Move: How Organized Crime Conquers New Territories. - Princeton : Princeton University Press, 2011. - 278 p.

References:

[1] Dolgova A.I. Organized crime: criminological and criminal law problems: monograph. - M.: Yurlitinform, 2019. - 456 p.

[2] Gilinsky Y. I. Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other deviations: study. manual. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2010. - 607 s.

[3] Inshakov S. M. Criminological safety of modern Russian society: monograph. - M.: Norma, 2015. - 384 p.

[4] Luneev V.V. Crime of the 20th century: trends and patterns: monograph. - M.: Norma, 2005. - 848 s.

[5] Khakimov N. N. Organized crime in modern Russia: trends and counteraction: monograph. - M.: Yurlitinform, 2021. - 312 s.

[6] Gurov A.I. Professional crime: past and present: monograph. - M.: Infra-M, 2018. - 368 p.

[7] Chuchaev A.I. Criminology: course of lectures: study. manual. - M.: Yurayt, 2020. - 352 s.

[8] Nikitina A. A., Kornev A. V. Organized Crime in Contemporary Russia: Institutional and Economic Dimensions // Journal of Criminology and Justice Studies. - 2020. - Vol. 8, № 2. - Pp. 45–63.

[9] Shelley L. Dirty Entanglements: Corruption, Crime, and Terrorism. - Cambridge : Cambridge University Press, 2014. - 320 p.

[10] Varese F. Mafias on the Move: How Organized Crime Conquers New Territories. - Princeton : Princeton University Press, 2011. - 278 p.

